

И. С. ДУИЧЕВ

Итальянская книга по истории древнерусской литературы*

Расположенная на границе между романскими народами и южнославянским миром, Италия имеет весьма длительную и богатую славистическую традицию. Уже несколько поколений ученых-филологов и историков занимается изучением литературы, истории, быта и культуры славян. Не углубляясь слишком в прошлое, вспомним широко известные имена Джованни Мавера (род. в 1891 г.), Этторе Ло Гатто (род. в 1890 г.), Артуро Кронья (род. в 1896 г.), покойных Эрико Дамяни (ум. в 1953 г.), Луиджи Сальвини (ум. в 1957 г.) и многих других. Рядом со старшим поколением итальянских славистов за последние десятилетия, и в частности после войны, выросло и проявило себя новое, более молодое поколение ученых, которое продолжило и, несомненно, расширило область славистических исследований. Известный славист старшего поколения, отличный знаток русского языка и русской литературы профессор Этторе Ло Гатто¹ обращал свое внимание преимущественно на новую и новейшую русскую литературу; начальный же период оставил более или менее в тени. Заслуга изучения и ознакомления итальянской образованной публики с древнерусской литературой принадлежит одному из лучших представителей самого молодого поколения итальянских славистов — флорентинскому профессору Риккардо Пиккио (род. в 1923 г.). Он изучал славистику в Римском университете и в парижской «Школе живых восточных языков», затем два года (1947—1949) преподавал в Варшавском университете, после чего ему было поручено преподавание русского языка и русской литературы во Флорентинском университете. Научные интересы и занятия профессора Р. Пиккио связаны с литературами всех славянских народов. Некоторые из его исследований посвящены истории болгарской литературы;² в других своих статьях он занимается польской литературой.³ Наряду с этим в нескольких критических рецензиях и отдельных статьях⁴ итальянский ученый обнаружил живой интерес к древней русской литературе и хорошее знаком-

* Перевод с болгарского Э. Г. Зыкова (Ред.)

¹ Библиографические указания на его труды см. Arturo Cronia La conoscenza del mondo slavo in Italia Padova, 1958, стр. 23, 323, 609—611, 655 и сл.

² Он изучал родоначальника новой болгарской историографии Пансия Хилендарского и поэта Пенчо Славейкова. См. Gli Annali del Baronio-Skarga e la storia di Paisoj Hilendarski — Ricerche slavistiche (далее RS) t III Roma, 1954, стр. 212—233. La Iscrijta slavënbolgarskaja sullo sfondo linguistico-culturale della Slava ortodossa — RS, t VI Roma, 1958, стр. 103—118 (в качестве доклада на IV съезде славистов). L'occidentalismo conservatrice di P. Slavejkov — RS t I Roma, 1952, стр. 124—143.

³ Il sarmatismo polacco. Note di storia della cultura barocca — Nova Historia Nr 14, 1951, стр. 573—582. Tradizione «sarmatica» e slavismo polacco — RS, t II. Roma, 1953, стр. 155—178.

⁴ Рецензия на статью В. В. Виноградов Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка т XVI, № 5 М., 1957, стр. 407—529 (RS, t V Roma, 1957, стр. 257—261), рецензия на книгу А. М. Амманн Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslaven I Würzburg, 1955 (RS, t V, стр. 249—254), рецензия на работу G. Huttli-Worth Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jh. Wien, 1956 (RS, t IV Roma, 1955—1956,

ство с нею. Это, по существу, было настоящей подготовкой к написанию объемистой книги, посвященной истории древней русской литературы.⁵ Выход в свет подобного синтетического труда по истории начального периода русской литературы представляет замечательное явление в итальянской научной литературе, особенно в наши дни. Уже это обстоятельство, а также и самое ее содержание и некоторые взгляды автора свидетельствуют о том, что книга флорентинского слависта заслуживает специального и обстоятельного рассмотрения.

Книга делится на четыре весьма объемистые части, а именно: «Киевская эпоха» (стр. 11—90), «Местные литературы» в XII—XV вв. (стр. 93—229), «Московская литература» в XVI—XVII вв. (стр. 233—355), последняя часть книги посвящена «устной традиции» (стр. 359—380). Автор избрал популярную форму изложения, в конце же дает общую библиографию к каждой главе. Кроме того, тут помещен (стр. 395—403) указатель древней русской литературы в хронологическом порядке. Несмотря на популярную форму изложения, на отсутствие каких бы то ни было указаний в самом тексте на использованные источники и исследования, чувствуется хорошее знакомство с проблемами древнерусской литературы и с соответствующей научно-исследовательской литературой. Сразу же следует отметить, что, как это явствует из приложенной в конце книги библиографии, профессор Пиккио знает и использует значительное число исследований старых, дореволюционных русских ученых и многочисленные работы советских исследователей.

Когда ставится вопрос о начале письменности и культуры Киевского государства, неизбежно возникает и проблема византийского влияния на восточных славян. Как бы ни решать этот вопрос, невозможно говорить о начале славянской, в частности русской письменности и культуры, не рассматривая характера и значения византийского влияния не только в связи с проникновением христианства, но и в более широком смысле — как влияния византийской культуры. Р. Пиккио справедливо поставил этот вопрос еще в начале своего изложения и, нужно признать, решил его удовлетворительно. Упомянув о первом соприкосновении Восточной Римской империи со славянами в начальные века нашей эры, Пиккио хорошо показал роль византийской миссионерской деятельности среди не обращенных в христианство народов как «средства духовного и материального воздействия». Здесь затронута также проблема употребления национальных языков для христианского богослужения. Автор указал основное различие во взглядах восточной и западной церкви в отношении употребления национальных языков, другими словами — в отношении употребления так называемой «теории триязычия». Среди нескольких причин, вызвавших такое различное отношение к употреблению национальных языков, Р. Пиккио удачно подчеркивает своеобразие Византии как «многонациональной империи», иначе — как империи с разнородным этническим составом. Если и нужно добавить еще что-либо к этому правильному определению, то следовало бы вспомнить, что, при отсутствии в течение всей истории существования Византийской империи какой бы то ни было «византий-

стр. 230—233); рецензия на работу: A. Stender-Petersen, *Geschichte der russischen Literatur*, I. München, 1947 (RS, t. VII. Roma, 1959, стр. 185—193). См. также: R. Picchio 1) «Prerinasimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa». A proposito di una tesi di D. S. Lichačev. — RS, t. VI, стр. 185—199; 2) Osservazioni sulla tradizione stilistica nella letteratura russa antica. — *Rivista di letterature moderne e comparate*, t. XI, 2, 1958, стр. 101—130.

⁵ Riccardo Picchio, *Storia della letteratura russa antica*. Nuova accademia editrice, Milano, 1959 (серия «Soria delle letterature di tutto il mondo», direttore A. Viscardi); 416 стр.

ской национальности», славянский этнический элемент играл значительную роль в жизни империи. Именно поэтому, изучая историю Византии, мы очень часто останавливаемся на таких событиях или личностях, которые связаны с историей славянства.

В связи с деятельностью Кирилла и Мефодия сказано несколько слов относительно общей политики Византийской империи и Запада по отношению к славянству во второй половине IX в. Совершенно правильно автор указал, что за обострившейся тогда борьбой между Царьградом и Римом стоял не только узко религиозный или церковный спор, но более глубокие, политические причины. По его словам, в то время встает вопрос о чем-то «большем, нежели соперничество в церковной сфере», а именно о «конflikте из-за гегемонии между Византийской и Германской империей». В нескольких строках рассказано о деятельности основоположников славянской письменности.

По моему мнению, можно не согласиться лишь с определением Кирилла и Мефодия как «двух греческих священников». Не вступая в полемику и не пытаясь исчерпать здесь этот уже давно спорный вопрос, я должен указать, однако, что более правдоподобным представляется мнение о их славянском происхождении. В начальный период своей деятельности славянские первоучители состояли на службе Византийской империи, в частности царьградской церкви, однако несомненно, что в их жилах текла славянская кровь (они были славянами вероятнее всего по материнской линии). Лишь гипотеза об их кровной связи со славянством могла бы удовлетворительно объяснить нам многое в их деятельности. Сама христианизация славянских народов в ту эпоху рассматривается как «необходимое условие допущения в семью европейских народов», а процесс христианизации с помощью греческого или латинского языка — как продолжение «старого процесса распространения средиземноморской цивилизации посредством романизации или эллинизации».

Действительно, как отмечает Пиккио, употребление национальных языков в церковной письменности и при богослужении могло содействовать их оживлению и облагораживанию, т. е. превращению их в литературные языки; наконец, оно оберегало эти языки «от полной ассимиляции». Заслуживает упоминания также утверждение автора, что именно деятельность Кирилла, Мефодия и их учеников среди различных ответвлений славянского племени обнаруживает «языковое единство» славян. Миссионерская деятельность двух славянских просветителей и их непосредственных учеников в Великоморавии и Паннонии все еще находилась под сильным влиянием царьградской церкви. Пиккио правильно отмечает, что когда — после смерти архиепископа Мефодия (885 г.) и изгнания его учеников из Великоморавии — славянская письменность и ее носители нашли убежище в Болгарии и были, по его словам, «приняты независимыми славянами в Болгарии», кирилло-мефодиевское дело высвободилось из-под надзора царьградской церкви. В конце главы, посвященной деятельности славянских первоучителей, автор подчеркивает, что именно с этого времени, со старославянской эпохи, начинается литературное развитие как южных, так и восточных славян.

На нескольких страницах изложен вопрос о Киевской Руси и отношениях между славянами и варягами. Автор осторожно указывает на существование разных теорий: «норманистов» и «антинорманистов», заявляя при этом, что, несмотря на наличие в настоящее время многочисленных работ,⁶ вопрос о происхождении имени русского народа не может счи-

⁶ Почти вся более ранняя литература вопроса указана в последнем труде А. В. Соловьева «Византийское имя России»: Византийский временник, т. XII. М., 1957.

таться окончательно решенным. Приведены сведения об установлении связей с Византийской империей в начале X в. Признавая, в какой-то степени в духе «норманской» теории, участие норманнов в жизни древней Руси, автор все же придерживается очень умеренной точки зрения: он подчеркивает славянский характер большинства населения Киевского княжества. По его словам, роль варягов была ограничена и не простиралась в область духовной жизни, а, с другой стороны, само обстоятельство, что они были малочисленны сравнительно с славянским населением, предопределяло «их ассимиляцию». С другой стороны, итальянский ученый склонен принять точку зрения советских историков, согласно которой древнерусское государство сложилось не в результате норманского завоевания, а вследствие «спонтанного объединения славянских племен». Отмечая отсутствие письменности у варягов, автор заключает: «Итак, многочисленные соображения заставляют нас принять, что Киевская Русь, когда она в X в. пришла в соприкосновение с Византией и с православным славянством, была, в сущности, славянской, что ее князья (Святослав, Владимир) были также уже славянизированы и что, следовательно, исследователь начального периода (русской истории — И. Д.) должен считать норманское влияние фактором, проявившимся лишь в предхристианский период Руси» (стр. 23).

Таким образом, принятие христианства Киевской Русью определяется как «сближение языческого восточного славянства (Славия) с Византией и с южнославянским ядром православного славянства».

Несколько страниц посвящено вопросу о христианизации Киевского княжества и деятельности князя Владимира. Заклучая его в рамки общих политических событий, Пиккио ставит этот вопрос в связь с событиями в Византийской империи, именно с «кризисом, противопоставившим Варду Фоку Иоанну Цимисхию». События, связанные с крещением Киевской Руси, правильно отнесены к 988—989 гг.; следовательно, оно может быть связано лишь с бунтом Варды Фоки в период с 15 августа 987 г. до апреля 989 г. против императора Василия II (976—1025). Империя очень часто использовала христианизацию разных народов как средство для привлечения их к своей политике и иногда подчинения своему влиянию. Р. Пиккио, принимая во внимание в числе прочих обстоятельств брак киевского князя с византийской принцессой Анной — сестрой императора Василия II, правильно отмечает выгоды заключенного русско-византийского соглашения для киевского князя: «Киевский князь не совершил акта пассивного подчинения восточному христианству, но вошел в византийский мир с широкими правами» (стр. 24). Чтобы объяснить уступчивость империи по отношению к Владимиру, следовало бы вспомнить еще некоторые условия, прежде всего непрочность 30-летнего императора на престоле и особенно его затруднения из-за борьбы с болгарами под предводительством Самуила.

Подчеркивая «очень широкие» последствия введения христианства для культурного развития России, Пиккио коротко останавливается и на вопросе о письменности. Тут он сообщает лишь то, что мы находим в другой его работе,⁷ где этому вопросу уделено больше места, и заявляет, что речь идет лишь о кирилло-мефодиевской письменности, пришедшей от южных славян. «Если как событие религиозного и политического характера хри-

стр. 134—155. С дополнениями эта статья издана на французском языке: A. V. Soloviev. Le nom byzantin de la Russie. Mouton et Co. S.—Gravenhage, 1957, 54 стр. См. некоторые добавления и у меня: Byzantinische Zeitschrift, t. LI. München, 1958, стр. 181—182; Byzantinoslavica, t. XXI. Praha, 1960, стр. 315—318.

⁷ R. Picchio. Osservazioni sulla tradizione stilistica..., стр. 110—113.

«тианизация» Киева представляла собой греческое и византийское завоевание, то как событие культурно-языкового характера она представляла расширение православного славянства, или духовного отечества, возникшего благодаря деятельности Константина-Кирилла и Мефодия» (стр. 25). Славянский язык, на котором совершалась проповедническая деятельность в эпоху крещения, служит, по мнению Пиккио, убедительным аргументом против «норманской теории». Тот факт, что христианство преподносилось языческим подданным Владимира на славянском языке, имеет особое значение в связи с «норманским вопросом». «Если византийская церковь и сами правители Киева избрали его в качестве языкового средства, которое уже обеспечило первые успехи моравской миссии, очевидно, они находились перед лицом славянского населения», — пишет он. Заслуживает упоминания также и утверждение автора, что кирило-мефодиевская литература проникла в древнюю Русь до официального крещения, что отвечает широко известным историческим фактам. Однако окружное послание царьградского патриарха Фотия, в котором упоминается начальное крещение русских, относится не к 876, а к 867 г. Очевидно, это не ошибка автора, а обыкновенная опечатка. Говоря о проникновении иудейства и мусульманских миссионеров в среду населения древней Руси, Пиккио подчеркивает, что принятие христианства от Византии князем Владимиром означало «признание уже определившегося фактического положения». В связи с этим затрагивается вопрос об «источниках местной традиции» (стр. 27). Автор имеет в виду прежде всего три важных факта: достаточно далеко зашедшее к тому времени развитие русского языка, препятствовавшее замене его «церковнославянским», языческую религиозную традицию и народное, устно-поэтическое творчество. Подчеркивается возникновение известного языкового дуализма между старославянским, занесенным от балканских славян и воспринятым церковью в качестве письменного языка, и русским народным языком. В вопросе о развитии национальных славянских языков, в частности русского языка, и о его связи со старославянским автор пытается сформулировать свой средний взгляд, примиряющий различные существующие теории. Параллельно очерчивается облик славянской языческой религии и проникновение некоторых ее элементов в новую христианскую веру. Отмечая участие византийских мастеров в начальном периоде развития древнерусской архитектуры, Пиккио сразу же подчеркивает те типично русские элементы, которые улавливаются в этом строительстве с самого начала. Вообще, признавая влияние «христианско-византийской культуры» в общем развитии Киевской Руси, автор говорит о большом значении местной, самобытной традиции. По его мнению, литература, «хотя и считается с греческими и южнославянскими образцами, часто ищет — и это ее счастливейшие моменты — отзвук поэзии, которая все еще живет в народных песнях и легендах». Наряду с другими отзвуками Пиккио ищет здесь и веяние «степи», разумеется, не как некую традицию, а как неотъемлемый фактор в исторической жизни Киевского княжества. Заканчивая данный раздел своего изложения, Пиккио коротко говорит о «восходе и упадке Киева», при этом припоминаются самые общие исторические факты всегда в тесной связи с литературной жизнью. Здесь следует упомянуть утверждение автора о преемственности между культурой Киевской Руси и Москвы.

Переходя к развитию литературы, профессор Пиккио рассматривает прежде всего переводные сочинения, затем оригинальные литературные произведения. Некоторые интересные суждения высказаны в связи с вопросом о восприятии Россией античного наследия через посредство Византии. Переводная литература излагается по следующим разделам: богослужебные

книги, апокрифы, жития, сборники, хроники и светские повествовательные сочинения. Отмечаются как перенесение переводов со славянского юга, а именно от болгар, так и самостоятельная переводческая деятельность. Установление византийской церковной иерархии в русских землях во второй половине X—начале XI в. связывается с византийско-болгарской борьбой, с утверждением византийского политического и церковного господства в болгарских землях после разгрома царства Самуила. Эпоха XI в., т. е. эпоха после завоевания Болгарии Византией, правильно охарактеризована как время полного застоя литературной жизни в Болгарии и как период усиленной деятельности по переписке литературных произведений на Руси. По предположению Пиккио, эта переписка совершалась под воздействием греческих церковных иерархов с целью удовлетворения нужд Киевского государства. Участие болгарских книжников в жизни Киевской Руси в XI в., в переводах и переписке различных литературных произведений должно, по моему мнению, считаться фактом, не подлежащим сомнению. Однако появление этих болгарских книжников в Киеве нужно объяснять в теснейшей связи с событиями в болгарских землях в последние три десятилетия X и начале XI в. Как турецкое завоевание в конце XIV в. изгоняло из болгарских земель множество болгарских книжников, которые приносили с собой произведения литературы и становились на Руси одним из основных факторов «второго южнославянского влияния», так и покорение Византией Восточной Болгарии в 972 г. и всех болгарских земель в 1018 г. изгоняет многих болгарских книжников далеко за пределы их родины. Если около 1207 г. малолетние сыновья царя Ивана Асеня I будущий царь Иван Асень II и его брат Александр сумели через валашские земли достичь даже пределов Галицкого княжества и провести там около десяти лет, то почему же это было невозможно для книжников из Преслава или Охрида в конце X или начале XI в.? Разумеется, вопрос не должен решаться односторонне, в духе высказанных М. Д. Приселковым и его последователями предположений об одностороннем влиянии Охридской Болгарии.⁸ Намного раньше Охрида книжники Преславской Болгарии вынуждены были бежать от византийского нашествия и искать убежища в русских землях. Именно им мы обязаны тем участием болгар в деятельности по переводу и переписке в Киевской Руси XI в., которое справедливо отмечается исследователями.

Автору, однако, может быть брошен упрек в том, что, указывая отдельные литературные жанры, которые нашли место в переводной литературе Киевской Руси, он сравнительно мало уделил внимания переводам патристической литературы. Пиккио упоминает их лишь тогда, когда говорит о разного рода сборниках смешанного состава. Кроме того, было бы необходимо более точно разграничить два литературных направления — «официальное», выразившееся прежде всего в переводах богослужебных и патристических сочинений, и «народное», выразившееся главным образом в переводах апокрифических, т. е. неканонических или прямо еретических произведений. При таком взгляде апокрифические сочинения должны рассматриваться не на втором месте, как это делает Пиккио, но отдельно, как явление, противостоящее «официальной» книжности. По-моему, при указании разных апокрифических сочинений нужно подчеркнуть их византийское и даже восточное происхождение, отметив при этом, что некоторые из них попали в русскую литературу через посредство древнеболгарской. Так, широко известный апокрифический рассказ «Хожение богородицы по

⁸ См.: М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

мукам» имеет переводной характер и его византийские прообразы хорошо известны. Во многих из апокрифических сочинений, как правильно подчеркивает Пиккио, оригинальными являются добавления, при этом часто невозможно сказать, сделаны ли они на балканском юге или в древней Руси. Говоря о житиях, следовало отметить также и их художественную ценность, делавшую их иногда увлекательным предметом чтения. Что касается так называемых патериков, то они являются или сборниками с поучительным содержанием из жизни отшельников и святых, или же собраниями их поучений, во всяком случае они не истинные «жития святых», как указывает автор. Мне кажется, что автор, с другой стороны, недостаточно разграничил сборники 1073 и 1076 гг. Сборник, известный под названием «Пчела», восходит — это следовало особо подчеркнуть — к сочинению византийского писателя XI в. Антония Мелисса (т. е. пчела). О сочинении Иосифа Флавия «История Иудейской войны» автор, на наш взгляд, мог бы, имея в виду новейшие работы по этому вопросу,⁹ высказаться более определенно, а именно отметить, что древнерусский перевод относится, по всей вероятности, к XI в. Помимо этого не исключена возможность, что существовал также южнославянский перевод этого сочинения Иосифа Флавия, так же как и его книги «Иудейские древности», переведенной, может быть, в более позднее время. Если бы позволяло место, профессор Пиккио, вероятно, должен был сказать несколько больше и о древнерусском «Девгениевом деянии», тем более что в основе своей оно восходит к несохранившемуся оригиналу.¹⁰

Достаточно основательно рассмотрены главнейшие произведения «самобытной книжности» эпохи Киевского княжества. Затронут вопрос о роли монастырей как центров переписки рукописей в ту эпоху и вопрос об анонимных сочинениях. В то же время Р. Пиккио подчеркивает, что, за исключением Владимира Мономаха, может быть выделено лишь очень небольшое число авторов, о которых мы имеем сколько-нибудь определенное представление.

Даются сведения о сочинениях Илариона, причем подчеркивается, что его «Слово о законе и благодати» «достойно открыть историю самобытной литературы Руси». Пиккио анализирует содержание этого памятника и отмечает его связь с византийской риторической литературой, но особенно подчеркивает типично русские черты и прежде всего стремление автора доказать «историческую законность (*legittimazione storica*)» русского народа в сравнении с народом Ветхого завета, т. е. еврейским народом. Именно в этом проявляется характерное для времени Ярослава стремление, чтобы за Русью было признано «равенство и полная автономия в православном семействе» народов, и прежде всего по отношению к Византии. Из сочинения Илариона приводятся в итальянском переводе некоторые наиболее характерные места. Еще более обстоятельно Пиккио останавли-

⁹ См. основное исследование Н. А. Мещерского «История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе» (М.—Л., 1958). Кроме того, см.: И. С. Дуйчев. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 415—423. О возможном существовании южнославянского перевода см. также: Н. Вгäuer. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur. Heidelberg, 1958, стр. 20 и сл.

¹⁰ См. новейшие работы: В. Д. Кузьмина. Новый список Девгениева деяния. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 339—360; А. Я. Сыркин. Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии. М., 1960, стр. 173—178; Н. Grégoire. Le Digenis russe. — В кн.: R. Jakobson, E. J. Simmons. Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949, стр. 131—169; St. Kyriakidis. Forschungsbericht zum Akritis-Epos. München, 1958, стр. 13—15; A. Dostál. Le Digenis Slave et son importance pour la byzantinologie. — Akten des XI internationalen Byzantinisten-Kongresses, München, 1958. München, 1960, стр. 125—130.

вается на личностях Бориса и Глеба и на связанных с ними житийных текстах. Интерес представляют, несомненно, предположения автора об известной параллели между борьбой светской и церковной власти на Руси, (выраженной как в «Слове» Илариона, так и в Сказании о Борисе и Глебе) и в Западной Европе в XI в. Читая страницы, посвященные памятникам житийной литературы, связанным с Борисом и Глебом, специалист найдет очень много интересных и оригинальных суждений. Третий литературный памятник, на котором останавливается автор, — «Хождение игумена Даниила в святую землю» (само хождение имело место в 1106—1107 гг.). Им начинается русская «паломническая литература». Проанализировав содержание памятника и дав из него отрывки, автор заключает: «В немногих других древнерусских текстах находим слитые с такой естественной простотой и переданные языком, богатым народными элементами, реалистическое чувство и любовь к фантастическому» (стр. 74). Здесь рассматривается также Поучение Владимира Мономаха (1113—1125), которое, по словам Пиккио, представляет интерес, как «обобщение религиозных и политических воззрений, равно как и стилистических приемов, выработанных в первом веке» (стр. 75) после крещения русских. Это произведение рисует образ «идеального государя», другими словами, — добавлю — входит в круг богатой литературы средневековых княжеских «зерцал» (Fürstenspiegel). Эта сторона содержания Поучения Мономаха заслуживает не меньшего внимания, нежели его автобиографические элементы. Пиккио упоминает как родственные памятники «Поучение Ксенофонта к Марии» в Изборнике Святослава 1076 г., Поучение англосакса Леофрика к сыновьям короля Гарольда и в общих словах указывает на «другие византийские образцы». Интересный древнерусский памятник заслуживает того, чтобы сопоставление его с другими аналогичными произведениями было сделано шире, — благодаря такому сопоставлению он мог бы быть включен в широко распространенный литературный жанр средневековья, и тем самым его отличительные черты были бы обрисованы еще лучше. Отрывок в Изборнике Святослава 1076 г., носящий название «Ксенофонта еже гл(а)гола к с(ы)нома своим»,¹¹ по моему мнению, меньше всего может быть указан как удовлетворительная параллель к Поучению Мономаха. Это лишь отрывок из жития Ксенофонта и притом не из изданной уже версии, а из какой-то предметафрастовской неизданной версии.¹² При его изучении должны быть привлечены и разбросанные по разным славянским рукописям отрывки из этого жития.¹³ Оставляя в стороне также и параллель с сочинением Леофрика, необходимо было бы обратить внимание специально на византийскую литературу, очень богатую произведениями подобного рода.¹⁴ В последние годы были

¹¹ См. его текст: В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887, стр. 44—45.

¹² J. P. Migne. Patrologiae Graecae t. 114. Paris, столб. 1014—1043. О других версиях: F. Halkin. Bibliotheca hagiographica graeca, II, ed. troisième. Bruxelles, 1957, стр. 316—318 нг. 1877 и — 1879, с указанием рукописных текстов.

¹³ См., например: V. Mošin. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije, I. Opis rukopisa. Zagreb, 1955, стр. 69, 172; Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната библиотека в София, I. София, 1910, стр. 307, № 6; стр. 454.

¹⁴ Библиографию вопроса см.: K. Grumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. Leipzig, 1897, стр. 456—457, 457—458, 463—464, 491—492, 549; K. Emminger. Studien zu den griechischen Fürstenspiegeln, I—II. München, 1906—1913. К этому роду литературы относится и известное послание царьградского патриарха Фотия к болгарскому князю Борису-Михаилу конца 865 или начала 866 г. См.: митр Симеон — В. Н. Златарски. Послание на цариградския патриарх Фотия до болгарския княз Бориса. София, 1917; здесь опубликован и средневековый болгарский перевод, вероятно, XIII—XIV вв. Части «назидания» императора Василия I Македонца (867—

указаны некоторые из непосредственных источников, использованных Владимиром Мономахом,¹⁵ и эти исследования должны быть использованы при анализе, ибо благодаря им мы еще легче можем установить то, что является действительно оригинальным в этом замечательном произведении древнерусской литературы.

В качестве памятника «светской литературы» профессор Пиккио привел «Повесть временных лет» и посвятил ее анализу несколько страниц. Даны хорошие и точные сведения о составе и возникновении памятника, затронут вопрос о разных его элементах (документы дохристианского времени, например, договоры с Византией 911 и 944 г., отзвуки устной народной поэзии, хроника Георгия Амартола); при этом автор заключает, что «Повесть временных лет» нужно оценивать в «ее единстве и целостной самобытности и читать как роман, не заботясь слишком много о ее толковании» (*senza eccessive preoccupazioni esegetiche*), т. е. не увлекаясь чрезмерно изысканием ее первоисточников и заимствований. Изложены важнейшие эпизоды из летописи, в пересказе или в цитатах, данных в переводе. Кое-где изложение, быть может, выиграло бы с точки зрения ясности, если бы были даны более точные объяснения (например, термина «обри» как наименования аваров). Говоря о «Повести временных лет» как произведении древнерусской литературы, можно было бы, на мой взгляд, подчеркнуть широкое распространение этого жанра во всей древнерусской литературе. По богатству историографических памятников древнерусская литература очень близка к византийской литературе и соперничает с ней. И уж во всяком случае следовало бы отметить, что именно в этом литературном жанре особенно отчетливо выражено стремление к утверждению национальной самобытности Руси.

Вторая часть книги профессора Пиккио посвящена «местным литературам» в XII—XIV вв. Свыше ста страниц отведены рассмотрению произведений этих литератур. Автор собрал и обобщил очень богатый и, несомненно, интересный материал. Пиккио подчеркивает, что «не многим более чем за сто лет, начиная с эпохи Ярослава Мудрого и до середины XII в., киевская культура выработала основы литературного стиля, которому было суждено сохраниться в последующие эпохи» (стр. 93). Но это происходит при таких условиях, когда историческая преемственность часто скрывается за местными традициями, которые противопоставляются традициям «матери русских городов». Упомянуты междоусобная борьба и наступившее разделение Русской земли, упадок Киева, сохранение созданного в киевскую эпоху литературного стиля, когда «стилизация составляет одновременно и силу и слабость литературной деятельности» (стр. 94). Переходя к анализу отдельных произведений, Пиккио уделяет десяток страниц «Слову о полку Игореве», дополняя «эпopeю Игоря Святославовича» по рассказам древнерусских летописей. Из сказанного автором в связи с этим памятником следует упомянуть его утверждение о подлинности «Слова». Изложив суть спора между учеными, считающими памят-

886) его сыну Льву, будущему императору Льву VI (886—912), включены — через посредство *Анналов Цезаря Барония* — и в «Историю славяно-болгарскую» святогорского монаха Паисия Хиландарского; текст см. в издании Я. Иванова «История славяно-болгарская, собрана и нарезана Паисием иеромонахом» (София, 1914, стр. 3—4); ср.: В. Велчев. Отец Паисий Хиландарский и Цезарь Бароний. София, 1943, стр. 22—35; R. Picchio. La «Istoriia slavenobolgarskaja», стр. 109 и сл.; Gli Annali, стр. 223 и сл.

¹⁵ Ср.: A. Vaillant. Une source grecque de Vladimir Monomaque. — Byzantinoslavica, t. X, № 1. Praha, 1949, стр. 11—15. Этот автор в качестве использованного первоисточника для одного пассажа из поучения указывает на место в жизнеописании Василия Великого, составленное псевдо-Амфилохием Иконийским.

ник позднейшей мистификацией, и защитниками его подлинности, Пиккио заявляет, что «при современном состоянии исследований можно сказать, что аргументы в пользу подлинности более многочисленны и лучше документированы, нежели аргументы скептиков» (стр. 101). К удачно написанному разделу о «Слове» можно было бы сделать одно критическое замечание. Рассматривая вступление «Слова», Пиккио указывает, что оно написано в «гомеровском стиле, восходящем, вероятно, к византийской хронике Манасии». Неубедительность этого утверждения станет ясной, если принять во внимание, что сама хроника Константина Манасии была создана в период правления императора Мануила I Комнина, т. е. между 1143 и 1150 гг.; следовательно, нужно было бы предположить, что автор «Слова» познакомился с рифмованной византийской хроникой вскоре после ее появления. Среднеболгарский перевод, который позже нашел распространение и в русских землях, был сделан лишь в XIV в., около 1331—1340 гг., а более древний русский перевод, который мог быть использован составителем «Слова», не известен. Таким образом, известную общность в начальных частях этих двух произведений следовало бы объяснить иначе, а не непосредственно влиянием хроники Манасии на «Слово».

В главе, посвященной развитию повествовательной и риторической религиозной литературы, Пиккио приводит хорошо подобранные сведения о Киево-Печерском патерике, проповедях Луки Жидяты, Климента Смолятича, Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского. Автор подчеркивает отход этих литературных жанров от византийского и южнославянского влияния и оформление произведений с типично русскими особенностями. Затрагивая творчество Климента Смолятича, Пиккио останавливается на его послании к священнику Фоме, в котором Климент оправдывается по поводу обвинений в использовании писаний древнегреческих, языческих философов. «Факт, что Гомер, Аристотель и Платон воскресают в молодой славянской православной культуре XIII в., — пишет Пиккио, — мог бы нам подсказать интересные сопоставления с современной культурой латинского Запада и позволить нам увидеть далекие, к сожалению, быстро прерванные предпосылки гуманистического возрождения» (стр. 112). Сопоставление, несомненно, интересно; однако, как мне кажется, прежде всего следовало бы думать о параллели с византийским возрождением XI—XII вв., виднейшими представителями которого были писатель и ученый Михаил Пселл (1018—около 1097) и философ-неоплатоник Иоанн Итал. Не входя здесь в подробности, я мог бы указать как на известную параллель к посланию Климента Смолятича на знаменитое послание Михаила Пселла, направленное его приятелю, позже царьградскому патриарху Иоанну VIII Ксифилину (1064—1075), приверженцу Аристотеля, в котором Пселл оправдывается по поводу обвинений в увлечении Платоном. «Мой Платон, о пресветый и премудрый мой, о земля и солнце...», — начинает свое послание византийский философ.¹⁶ Следовательно, послание Климента Смолятича нужно было бы исследовать именно в связи с такими памятниками византийской литературы XI—XII вв., прежде чем думать о сопоставлениях с Западом.

Посвятив несколько страниц житиям Александра Невского, автор переходит к «Слову о погибели Русския земли» и дает весь его текст в переводе, говорит о повествованиях о татарском нашествии и о Галицко-Волынской летописи, определяя Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. как один из лучших образцов древнерусской прозы. Весьма подробно рассмотрено «Моление» Даниила Заточника, «редкий памятник светской

¹⁶ Послание издано в кн.: С. N. Sathas, Bibliotheca graeca medii sevi, V. Pselli Miscellanea. Paris, 1876, стр. 444—451.

культуры». В качестве образца «окаменения литературного стиля в памятниках местной литературы» Пиккио указывает Житие Авраамия Смоленского, возникшее около середины XIII в., связывая это литературное явление с усиливающимся в то время религиозным догматизмом.

Последние страницы главы посвящены истории русской литературы XIV в., причем этот период определяется автором как эпоха застоя (*gi-stagno letterario*). В конце периода выдвигается новый политический и культурный центр — Москва. Интересно утверждение итальянского ученого, что при наступивших изменениях «воспоминание о Киеве» начинает играть роль, сходную с ролью классической римской эпохи для латинского мира. Мне кажется, как ни оценивать литературу XIV в., следовало бы сказать о ней несколько больше.

Второй раздел этой части книги называется «Возрождение православного славянства». Автор употребляет термин «православное славянство» с целью разграничить восточных и южных славян с западными, и в этом смысле его определение имеет известное оправдание, но, относясь лишь к церковной области, оно представляется односторонним. В отношении XV в. термин не вполне отвечает существу дела, так как после турецкого завоевания перестают существовать не только независимые славянские государства на Балканском полуострове, но и соответствующие церкви. По словам автора, «болгарская, сербская и русская церкви никогда не признавали своего полного подчинения Византии. Когда Византия пала, они воспользовались случаем, чтобы провозгласить громко свою жизненную духовную автономию». Это утверждение, однако, справедливо лишь по отношению к русской церкви, ибо, например, болгарская церковь после 1393—1396 гг. полностью теряет свою самостоятельность и попадает в абсолютную зависимость от царьградской патриархии.

Особенно интересны страницы раздела, посвященные вопросу о «втором южнославянском влиянии» (стр. 142). В современной советской литературе эта проблема была рассмотрена недавно Д. С. Лихачевым, притом в новом свете. Плодотворное и ценное исследование Д. С. Лихачева дает богатый материал для дальнейшего исследования этого вопроса.¹⁷ Некоторые подробности следует все же напомнить и подчеркнуть. Это прежде всего, по выражению Пиккио, «культурная миграция», т. е. переселение отдельных представителей балканского славянства, земли которого были завоеваны или находились под угрозой покорения турками, в Россию. Некоторые периоды византийской истории самым красноречивым образом свидетельствуют об огромной роли этой «культурной миграции». Если исключить период между 1204 и 1261 гг., когда вследствие завоевания Царьграда западными рыцарями Византийская империя перестает существовать, чрезвычайно интересную параллель представляет миграция из Византии около середины XV в., когда турецкие завоеватели осаждают ослабевшую империю и в 1453 г. овладевают ее столицей — Царьградом. Роль, которую беглецы из Византии и перенесенные ими культурные ценности играют в возрождении Западной Европы, почти полностью соответствует той роли, которую беглецы из балканских земель сыграли в деле развития литературы русских земель. Эти события разделены временем не более шести десятилетий и хотя бы поэтому должны быть сопоставлены. По определению Пиккио, «единство православной славянской культуры в продолжение всего средневековья не основано на государственных и национальных принципах», поэтому в XV в. не может быть и речи

¹⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (IV международный съезд славистов. Доклады).

о «влиянии одной литературы на другую; следует говорить о различных фазах единого процесса развития». Таким образом, здесь вырисовывается некая «духовная сфера, которая роднит восточное и балканское славянство».

Затрагивая вопрос о развитии отношений между средневековой Болгарией и Россией вообще, автор подчеркивает «чередование» культурного влияния одной или другой стороны в разные эпохи. Обрисовав в общих чертах болгарскую литературу конца XIV—начала XV в., Пиккио обращает внимание на «плетение словес», получившее распространение в России в XV в. Мне кажется, что как литературное творчество и стиль Евфимия Тырновского и его непосредственных учеников и последователей, так и вообще эти явления в древней русской литературе XV в. должны изучаться в самой тесной связи с литературным развитием Византии в данный период. Из русской литературы XV в. даны сведения о Киприане, Пахомии Логофете и Епифании Премудром. Любопытные суждения высказал автор относительно развития «наследия» Евфимия Тырновского в России и среди балканских славян. Из жития Стефана Пермского даны в переводе некоторые, наиболее интересные места, с помощью которых Пиккио подкрепляет свои суждения. При рассмотрении эпохи «второго южнославянского влияния» в России, на мой взгляд, следовало бы специально подчеркнуть некоторые особенности. Это влияние, в сущности, представляет собой в какой-то мере перенесение поздневизантийских элементов через посредство южных славян. Кроме того, как совершенно правильно подчеркивает Д. С. Лихачев, оно затрагивает не только литературу, но и другие области культуры, например искусство. Наконец, представляется интересным проследить путь проникновения этого южнославянского и византийского влияния: культурные деятели постепенно удаляются от южных балканских областей, находящихся под угрозой завоевания турками, и продвигаются в более безопасные русские земли. В процессе этого продвижения были затронуты (что заслуживает быть отмеченным) также и задунайские, валашские и молдавские земли. Взятое в целом, «второе южнославянское влияние» — очень сложный исторический процесс, который лишь теперь стало возможным понять во всех его подробностях, исходя при этом из правильной постановки вопроса, данной Д. С. Лихачевым. С другой стороны, когда мы встречаемся в русской литературе этого периода с такими явлениями, как например, «излияние слез» или «плач», то такие явления нельзя рассматривать изолированно от характерного для исихазма жанра «плачей» (*threni*), обычного в византийской литературе последнего периода, и вообще от той «слезливости», которая, как заметил И. Хойдингга, свойственна и западноевропейской литературе этого времени.¹⁸

В «Куликовском цикле» Пиккио рассматривает «Задонщину» и Сказание «о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», затем его Житие. В нескольких местах автор останавливается на «Задонщине» как памятнике, который подтверждает подлинность «Слова о полку Игореве». Говоря далее о «притязаниях Москвы» в XV в., Пиккио предлагает, между прочим, так называемое возрождение «православного славянства» в XV в. охарактеризовать как «защиту восточного христианского средневековья от рационалистического ревизионизма латинско-германской Европы и византийского „отступничества“ Иоанна VIII Палеолога» (стр. 166). Так, по его словам, здесь «возрождение принимает конкретную форму возвраще-

¹⁸ См. очень интересные сведения, собранные в книге голландского историка: J. Huizinga. *Le déclin du Moyen âge*. Paris, 1948, стр. 9—38.

ния к источникам собственной традиции» с утверждением «своей независимости от латинского мира» (стр. 167), т. е. от Западной Европы. Обрисовано и рождение идеи Москва — третий Рим, но этот обширный и очень спорный вопрос затронут лишь в общих чертах. Особое внимание уделено сочинению, носящему заглавие «Слово избрано от святых писаний» (около 1460—1462). Проанализировав его идеи, автор характеризует «Слово» как «один из наиболее типичных, если и не самых показательных памятников», проникнутых идеями Москвы.

Достаточно подробно анализируется также «Повесть о Царьграде», приписываемая Нестору-Искандеру. Упомянув о предположении, основанном на некоторых языковых элементах повести, что она представляет «перевод или по меньшей мере переработку» текста на народном греческом языке XV в., Пиккио все же склонен принять, как более правдоподобную точку зрения, что здесь мы имеем дело с самобытным славянским, вернее русским памятником, который содержит различные последовательные наслоения. Затронут также вопрос об использованных источниках, прежде всего о «Видении» Даниила и «Пророчествах» Мефодия Патарского. Автор отмечает, что текст, заимствованный из первого сочинения, дал основание установить связь заключительного «пророчества» в «Повести о Царьграде» с русской историей.

Наконец, рассмотрены коротко еще несколько других литературных памятников эпохи, как «Сказание о Вавилоне граде», затем «Послание Льва, царя греческого», Сказание о великих князьях владимирских, в котором автор находит наиболее яркое выражение идеи, что «власть русского государя представляет законное продолжение той мировой власти, которой некогда обладала Византия» (стр. 184). В этой же связи рассмотрены Послание киевского митрополита Спиридона-Саввы начала XVI в. «Сказание о Дракуле воеводе», в котором Пиккио видит, между прочим, известную богомильскую основу, выражавшуюся во взгляде на земную власть как на проявление «отрицательного начала», наконец «Послание на Угру» Вассиана Рыло и теория Москва — третий Рим старца Филофея. По словам итальянского ученого, с провозглашением этой идеи «будет замкнут вековой идеологический круг и дано толкование нового положения в русских землях после устранения самых больших местных сил, которые в XV в. все еще лелеяли мечту о собственной культурной автономии и собственной гегемонии» (стр. 190).

В главе, названной «Притязания Новгорода», даются сведения о развитии этого древнерусского города, который сохраняет свою независимость до 1478 г., соперничая не только с Москвой, но даже с Римом и Царьградом. Автор отмечает проникновение «второго южнославянского влияния» и в Новгород, однако добавляет, что здесь скорее развивается историография, т. е. «возвращение к минувшему со стороны местной культуры, которая не может примириться с тем, чтобы стать провинциальной» (стр. 192). Рассмотрены некоторые из наиболее выдающихся произведений новгородской литературы этого периода, прежде всего разные сказания легендарного и полуполулегендарного характера. При этом автор более обстоятельно остановился на «Повести о новгородском клобуке», основная идея которой заключается в передаче церковной власти от Рима и Царьграда этому северорусскому городу. Он подчеркивает, что в этом произведении проведена «безоговорочно» идея о «римском наследии, переданном Русской земле через посредство Византии». Несмотря на использование известных западных источников, в памятнике улавливается, по словам Пиккио, «типично русский идеологический взгляд»; через него мы приближаемся к «общерусской литературе» периода Московского государства.

Мне кажется, что в целях полноты изложения следовало бы сказать что-то и об экономическом развитии Новгорода в позднее средневековье и, с другой стороны, затронуть вопрос о его разнообразной архитектуре, памятники которой сохранились до сих пор.

Псков — другой провинциальный центр той эпохи, на развитии которого останавливается автор, анализируя «Псковское взятие» — повествование о захвате города великим князем Василием III Ивановичем и о потере «бывших некогда свобод».

Значительное место в этой главе занимает Афанасий Никитин, как своеобразный представитель тверской литературы XV в. Пиккио анализирует его «Хождение за три моря» как произведение светского писателя, которое представляет особый интерес с точки зрения его содержания и языка, будучи написано на «общеупотребительном языке высших классов» Твери, наконец как выходящее за рамки вполне «локальной литературы». Рассмотрены, кроме того, местные литературы Твери, Смоленска, Мурома, Рязани, при этом автор более подробно останавливается на Повести о Петре и Февронии, излагает ее содержание и анализирует его.

В последней главе этого раздела книги Пиккио занимается еретическими учениями и меропрятиями официальной русской церкви в XIV—начале XVI в. Изложив основные учения стригольников, которые сопоставляются с западноевропейскими флагеллантами, и жидовствующими, Пиккио отмечает их вклад в область литературы и борьбу за нововведения и преобразования в жизни официальной церкви. Отмечая известный рационализм в этих еретических движениях, автор говорит об «отзвуках гуманизма».¹⁹ Как противодействие еретическим движениям указаны некоторые замечательные явления в духовной жизни России той эпохи: перевод Библии под руководством новгородского архиепископа Геннадия в самом конце XV в., учения Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, а вместе с тем расцвет хилиастических представлений в связи с 1492 г.

Третья часть книги профессора Пиккио посвящена рассмотрению «Литературы Московского государства в XVI—XVII вв.». Она содержит три главы: «Чувство литературы в XVI веке», «Великая оборона» и «Закат православного славянства». Две первые проблемы, рассмотренные автором, касаются идеологических и стилистических течений эпохи. Здесь Пиккио в общих чертах обрисовал общественно-политическое развитие Московского государства в XVI—XVII вв. и оттенил его специфические институты того времени. Подчеркивая «разнообразие стилистических течений», автор говорит о «национализации» языка, т. е. об отрыве его от церковнославянского и утверждении русского народного языка, о поздних отражениях «второго южнославянского влияния» и преобладающем светском характере литературы.

Под заголовком «Аристократы» дано много полезных сведений о жизни и литературной деятельности таких замечательных писателей той эпохи, как Вассиан Патрикеев или Вассиан Косой, Максим Грек, наконец Андрей Курбский, у которого автор видит «зрелое понимание значения стиля», какого нет, «может быть, ни у какого другого писателя XVI века». Последнее, считает автор, сформировалось в школе Максима Грека.

В главке «Практические деятели» Пиккио рассматривает другой ряд произведений эпохи, а именно переписку Ивана IV Васильевича Грозного с Андреем Курбским, затем писания и взгляды И. С. Пересветова, кото-

¹⁹ Интересные материалы и выводы в связи с этим содержит новая книга А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв.» (М., 1960).

рому он приписывает введение в древнюю русскую литературу нового элемента «художественной фикции». В этом свете рассмотрены, например, писания Пересветова о последнем периоде истории Византийской империи и идеализированное изложение истории Мохаммеда II Завоевателя, отмечена защита им самодержавия («Царство без грозы — конь без узды»). Кратко изложена деятельность и взгляды митрополита Даниила, который стоял во главе русской церкви с 1522 до 1539 г. В качестве параллели к итальянским сочинениям типа «Князя» Николо Макиавелли и «Кортеджано» Бальтазара Кастильоне Пиккио в русской литературе той эпохи указывает «Домострой» протопопа Сильвестра, в котором чувствуется, между прочим, «простота языка и отказ от церковнославянской стилистической традиции». Когда идет речь о следах влияния византийской литературы на это произведение, по моему мнению, следовало бы воспользоваться результатами полезного исследования русского византолога С. Шестакова, который с полным основанием проводит параллель между «Домостроем» и известным сочинением византийского писателя XI в. Кекавмена.²⁰ Несколько слов сказано далее о «Стоглаве» 1551 г., о так называемых азбуковниках и о деятельности русского первопечатника Ивана Федорова, отмеченного также и в качестве писателя.²¹

В параграфе, носящем заглавие «Императорская риторика», вслед за коротким упоминанием о Хронографе 1512 г. рассматриваются литературная деятельность митрополита Макария (1482—1563), затем «Книга степенная царского родословия», «Казанская история» и, наконец, «Сказание о киевских богатырях». Автор использует последние советские работы, посвященные этим литературным памятникам, и дает хорошие общие сведения. Разумеется, кое-где могли бы быть указаны еще кое-какие интересные данные. Так, не было бы излишним сказать что-либо о таком переводном памятнике той эпохи как «Рыдание» Иоанна Евгеника, повествующем о захвате Царьграда турками в 1453 г., которое было переведено еще в начале второй половины XV в., распространено в достаточно большом количестве списков²² и, вне всякого сомнения, оказало известное влияние на некоторые произведения оригинальной русской литературы того времени. Несколько раз в процессе изложения автор упоминает легенду о родстве тогдашних московских правителей с римским императором Августиним. При анализе этой идеи, которая использовалась как одно из идеологических оснований для утверждения самодержавия, также можно было бы привлечь результаты некоторых интересных исследований, которые, по-видимому, оставались неизвестными автору.²³

В главе под названием «Великая оборона» Пиккио отводит прежде всего несколько страниц общим политическим событиям XVI в. По его словам, этот век, вместо того чтобы быть концом средневековья, которое начинается Киевом и продолжается Москвой, открывает время «продолжительного кризиса», длившегося в течение всего XVII в. вплоть до преоб-

²⁰ См.: С. Шестаков. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. — Византийский временник, т. VIII. М., 1901, стр. 38—63.

²¹ В связи с 375-летием со дня смерти Ивана Федорова был издан объемистый сборник «У истоков русского книгопечатания» (Изд. АН СССР, М., 1959), который внес значительный вклад в исследование вопроса о начале русского книгопечатания и деятельности Ивана Федорова.

²² См. указания на это у Н. А. Мещерского: «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 72—86.

²³ Так, см., например: E. v. I v a n k a. Rurik und die Brüder des Augustus. — *Orientalia christiana periodica*, t. XVIII. Roma, 1952, стр. 393—396. Автор статьи, однако, не использовал чрезвычайно ценные в этом отношении свидетельства, содержащиеся в посланиях Ивана Грозного.

разований Петра Великого. В результате успехов Польши главной задачей, по мнению итальянского ученого, становится как раз «защита православного славянского отечества». Затрагивая вопрос о «первых влияниях украинского запада», Пиккио анализирует «Граматику» Мелетия Смотрицкого 1619 г., сочинение Ивана Вишенского (1545—1620 ?) против польского иезуита Петра Скарги, затем так называемые вирши Ивана Наседки и Ивана Хворостинина, борьбу против лютеранства и католицизма. По мнению Пиккио, если исключить вирши как новое литературное явление, «произведения, написанные в Московском государстве во время и сразу же после польского нашествия, вдохновлены, по-видимому, древнейшими идеалами и традиционными стилистическими нормами продолжительного славянского православного средневековья», в основе которых он видит «здоровый патриотизм на религиозной основе». Это автор называет «возвращением к традиции». Он анализирует некоторые из произведений этого рода: «Повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» 1610—1611 гг., содержащую призыв к борьбе против поляков, затем «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси» патриарха Иова, составленную около 1603 г., и др.

Рассматриваются также произведения, связанные с историей крупных крестьянских движений того времени. Автор посвящает несколько страниц Азовскому циклу повестей, которые приведены в качестве наиболее популярных в XVIII в. повествований. В них рассказывается о героической борьбе против турок. По мнению Пиккио, «казацкая среда представляет в XVII в. новый аспект русской духовности, несмотря на то что религиозные и фантастические мотивы, которые развиваются в ней, могут быть сведены к известным образцам киевской, татарской и московской эпох», причем «самые формулы славянской православной риторики» приобретают «необычную свежесть». В конце главы рассмотрено Житие Юлиании Лазаревской, составленное около 1620—1630 гг. и представляющее собой первую попытку агнографического изложения жизни мирского лица, не принадлежащего к княжескому роду.

В соответствии со своим методом изложения Р. Пиккио вводит главу «Закат православного славянства», где кратко излагаются исторические события второй половины XVII в. Здесь приводятся некоторые интересные сведения о коллегии Петра Могилы (1596—1647), о Сильвестре Медведеве, Симеоне Полоцком и Ф. М. Ртищеве. Вспоминается также деятельность Елифания Славинецкого (умер в 1675 г.) и его переводы. Коротко затронут вопрос о двуязычии в Московском государстве того времени, когда, по словам одного западного современника, нужно было «говорить по-русски, а писать по-славянски» *loquendum est russice et scribendum est slavonice*). Вопрос о борьбе между народным русским языком и церковнославянским представляет особый интерес в истории культурного развития русского народа и заслуживает более подробного освещения. Отдельно рассмотрена деятельность представителей «силлабической поэзии»: Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Карюна Истомина. По мнению Пиккио, Симеон Полоцкий может быть назван «первым поэтом Московского государства» или первым автором, который «осознал поэзию как самостоятельное искусство, подчиненное точным законам стихотворства». Даются весьма подробные сведения о творчестве Полоцкого и отрывки из его произведений в переводе.

Автор отдельно останавливается на «текстах западного происхождения» в русской литературе XVII в., затем подвергает обстоятельному рассмотрению процесс «секуляризации повести». По его словам, «низведение

типичнейшего древнерусского жанра — повести — до формы светского повествования, часто чуждого летописной и легендарной местной традиции, ясно свидетельствует о кризисе в конце XVII в.». В этой главе итальянский автор высказывает интересные суждения, которые заслуживают специального рассмотрения. Таково, например, его утверждение, что «нередко мирские мотивы являются более старыми и сильнее проникнутыми средневековыми взглядами, нежели церковные мотивы» (стр. 324), в силу чего «большее тематичное богатство повестей XVII в. не может считаться признаком прогресса и зрелости» литературы. Церковная культура находилась во второй половине XVII в. в кризисе, но, по мнению Пиккио, в этот период не было еще силы, которая по достоинству могла бы противопоставить себя этой культуре, и пустота, появившаяся в результате «заката православного славянства», не могла быть легко заполнена произведениями, которые сами стояли еще на том же уровне развития. В этой главе анализируются несколько произведений: «Повесть о начале царствующего града Москвы», несколько сказаний, притч и повестей, затем известная «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть зело предивна и истинна» о Савве Грудцыне. Говоря о «границе между письменной и устной традицией», Пиккио излагает сведения о развитии сатиры в этот период русской литературы.

Последняя глава посвящена расколу и автобиографии протопопа Аввакума, из которой дано несколько отрывков; в заключение говорится о зарождении русского театра.

В последней части книги автор занимается «устной традицией», русскими былинами, историческими песнями, духовными песнями и сказками.

В приложении к работе помещены общие и специальные библиографические указатели и хронологический список произведений древней русской литературы. Если иметь в виду, насколько трудно западному ученому знакомиться со всеми славянскими, и в частности советскими научными изданиями, нельзя не высказать удовлетворения, что Р. Пиккио знакомо столь большое количество советских работ по древней русской литературе.

Не претендуя на анализ или критическую оценку объемистой книги профессора Пиккио, этот очень беглый обзор все же может дать представление о ней. Несомненно, специалист найдет в изложении итальянского ученого известные пробелы, спорные утверждения или неудовлетворительные толкования.²⁴ Однако нельзя отрицать, что автор приложил огромные усилия, старательнейшим образом изучил отдельные памятники и исследования о них, пришел к интересным самостоятельным взглядам, с явной любовью изложил и проанализировал развитие древней русской литературы. Можно поэтому приветствовать его книгу, как хороший вклад в дело изучения и популяризации древней русской литературы.

²⁴ Ср., например, некоторые критические замечания Д. С. Лихачева: Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 675—678.